

Прямая речь

Известия. - 1998. - 13 марта. - с. 6.

Андрей
МАКАРЕВИЧ:У меня есть враги,
но я с ними незнаком

На его недавнем московском концерте в первом ряду сидели два брата, 15 и 11 лет: старший привел младшего «послушать настоящую музыку». В проходе стояли малолетние хиппи и хиппушка, с длинными волосами, в потертых джинсах и в фенечках по локти: «Хотим, чтобы Макаревич спел наш любимый «Поворот». Лысеющий бизнесмен в дорогом черном костюме пригласил свою длинноногую подружку «познакомиться с песнями и полюбить то, что лично я люблю с детства».

— Андрей Вадимович, ваши поклонники — люди разного возраста. На концертах вы чувствуете разницу восприятия?

— Наверное, с точки зрения начала эмоций. Но это ведь совершенно естественно, было бы странно, если бы 45-летние скакали, как дети. Все реагируют по-разному, но я ведь не вправе ни от кого что-то требовать, не так ли?

Отношений у меня с поклонниками никаких нет, домой они ко мне, слава Богу, не ходят. Так, во время и после концерта очень часто что-то дарят, какие-то мелкие глупости. Если честно, не знаю, куда потом эти подарки деваются. Если бы я их хранил, у меня, наверное, дома уже был бы склад.

— То есть слава все-таки тяготит?

— Сама слава — нет, это очень здорово. Тяготит то, что ее сопровождает. Опять же глупостей всяких много пишут.

— Вы что, собираете все, что пишут о вас и о «Машине времени»?

— Да нет, зачем? Есть один принцип у Воннегута замечательный, знаете: «Дай мне силы изменить, что я в силах изменить, смирения — принять то, что я не в силах изменить, и разум, чтобы отличить первое от второго». Вот все, что написано про «Машину времени», относится ко второму. Если я начну страдать по этому поводу, я умру на несколько лет раньше. Я к этому отношусь, как к плохой погоде. Господи, хочется — пусть пишут.

— Чтобы прекратить вот эти глупости, вы и написали книжку «Все очень просто»?

— Написал только по одной причине: один мой товарищ (не буду называть его имени) решил написать книгу про «Машину времени». Он довольно много времени проводил с нами, ездил по сейшенам, но, когда я увидел, что он пишет, я понял, что лучше сделать это самому. Из первых рук все-таки правдивее.

— Как вы думаете, почему ни одна наша группа не может пробиться за границу?

— По той же причине, почему и «Запорожец» не может сравниться с «Мерседесом». Мы — хуже.

— Совместная работа с Алексеем Козловым «Пионерские блатные песни» — это дань моде, хулиганство или память о детстве?

— Моды там не было никакой, это, может, сейчас все поют такие песни — тогда не пели. Это песни не только нашего, а всех дворов того времени. Как и все тогда, я тоже тридцать лет назад пел их на лавочке во дворе. Леша Козлов очень точно назвал их: как раз «Пионерские блатные». Абсолютный пионерлагерь! Песни чудные, я знаю их огромное количество и обожаю народное творчество такого рода.

То, что эти песни остались в памяти людей, говорит о том, что они уже «настоящие». Это было неподцензурное искусство, единственное такое в песенном жанре...

— После столько лет «подцензурности» вы справляли юбилей «Машины» на Красной площади. Вы испытывали злорадство или, может, жалость к нашему строю?

Фото Ивана СЕКРЕТАРЕВА.

— Я не злорадный человек, это не мое. Жалости павший строй не заслуживает. Я просто очень хотел, чтобы все хорошо прошло, чтобы всем понравилось. Страшно волновался, что пойдет дождь, потому что он все время «висел» в воздухе, и в конце концов фейерверк у нас «подмок». Еще волновался, когда вдруг увидел и ощутил, сколько людей к нам пришло. А пришло около 400 тысяч человек. Насколько мне известно, ни до, ни после такого количества людей на концерт не собиралось. Мало того, нас заставили перестраховаться с милицией, но за 7 часов концерта не было ни одного инцидента!

— Отмечать дальнейшие юбилеи будете?

— Конечно, группе следующей весной исполнится тридцать лет. И ни один поклонник нам не про-

стит, если мы не отметим это дело грандиозным туром и даже выходом нового альбома. Так что все будет.

— Общась, вы производите впечатление достаточно сурового и жесткого человека. А свои детские игрушки вы храните?

— Я в этом не нуждаюсь. У меня и так дома слишком много всяких предметов, которые призваны что-то напоминать. На самом деле я считаю, что чем их меньше, тем легче делать что-то новое. Каждая вещь, которая связывает с прошлым, — это якорь, который тянет тебя назад. А надо двигаться дальше.

— Но вы хотя бы помните свои любимые детские книжки?

— О-о... Жюль Верн! И «Мюнхгаузен». Ну потом их было уже много. Но Жюль Верн я очень уж рано прочитал.

— Отсюда и хобби — подводная охота?

— Не-а, началось все с фильма «В мире безмолвия», который снял Кусто и который где-то в начале 60-х шел по всем экранам. А еще до этого был фильм «Последний дюйм», я его смотрел каждый день. Он мне безумно нравился и никогда не надоедал.

Под водой я абсолютно отключаюсь от всего, что меня заботит и тяготит в этой жизни, и во мне просыпаются какие-то древние, буквально генные вещи, которые, наверное, испытывал мой прапра-прапредок. И я чувствую, как становлюсь более сильным, более ловким, более быстрым, более естественным относительно той среды, в которой я нахожусь, — просто частью природы. Я очень сильно там заряжаюсь.

— То есть своим образом

жизни вы вполне довольны?

— Я живу так, как считаю нужным. Мы не занимаемся шоу-бизнесом в том смысле, в котором этим занимаются Киркоров или группа «На-на».

— А газеты о вас пишут как об акуле шоу-бизнеса.

— Да, Господи, пусть пишут, что хотят. Мы просто делаем музыку, сочиняем песни и играем их — иногда в студии, иногда на концертах. Я стараюсь делать с полной отдачей только то, что я люблю и что меня интересует. Всем остальным не занимаюсь. Пока, как ни странно, мне это удается. Наверное, у меня есть враги — нет их только у человека, который ничего не делает, но я с ними незнаком. На данный момент нет таких людей, с которыми я не разговариваю. Есть люди, к которым я отношусь, скажем так, без особой любви, но меня никто и не заставляет с ними общаться.

— За что вы можете оттолкнуть от себя человека?

— За вранье, за обман. Все остальное, пожалуй, прощается.

— Вы так спокойны и уверены. Не боитесь вообще ничего?

— Боюсь. А ты?

— Смерти.

— Смерти? Хм-м... нет, я ее не очень боюсь. А вот того, что кто-то, скажем, из близких людей тяжело заболит, — вот этого я очень боюсь.

Я не так много умею. Если бы было время, хотелось бы научиться — глаза завидующие, знаете ли. Я, например, не прыгал ни разу с парашютом, не играю в шахматы, в теннис. Плохо сижу на лошади. Есть еще кое-какие вещи, которые я не сделал и которые, как мне кажется, могу сделать хорошо.

Когда я ощущу — ощущую? — что я достиг всего, чего хотел, я лягу на диван и предамся воспоминаниям. А затем умру. Вот. Но пока — нет, пока это в мои планы не входит.

Виктория АВЕРБУХ,
«Известия».